

Б.В. Савинков обратился к Г.В. Плеханову как посланец от поднявших антисоветский мятеж казаков во главе с генералом П.Н. Красновым и А.Ф. Керенским. Они надеялись привлечь на свою сторону такого крупного и авторитетного политика как Г.В. Плеханов. "Я, — сказал он Савинкову, — сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути. И Вам не советую этого делать".

Немалый интерес в творческом наследии Г.В. Плеханова представляют его работы по проблемам искусства и литературы. Что же подвигло его на написание такого рода произведений? Вероятно, во многом его собственный эстетический интерес, его глубокое проникновение в тайны прекрасного. Но он писал не только о прекрасном в искусстве. Искусство во всех формах его проявления трактовалось Г.В. Плехановым, прежде всего, как "общественное явление". В бесклассовом обществе оно непосредственно определяется материальной деятельностью и материальными отношениями людей. В обществе же, разделенном на классы, искусство утрачивает эту связь, но его общественная роль от этого не только не ослабевает, но, наоборот, — возрастает. Логика рассуждений Г.В. Плеханова по этому поводу сводилась к следующему: экономическое развитие общества приводит его к делению на противостоящие классы, которые в своем стремлении реализовать свои интересы и цели используют все формы идеологии, в том числе и искусство. В принципе он допускал, что искусство можно рассматривать как "средство незаинтересованного наслаждения", но основной акцент Г.В. Плеханов все же делал на том, что оно является орудием политической борьбы. Этот свой тезис он достаточно убедительно подтверждал многочисленными примерами из истории европейской культуры.

Постоянно подчеркивая, в том числе и в статьях по проблемам искусства, что бытие определяет сознание, он писал, что "особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается. Общественное же настроение всякой данной эпохи всегда обуславливается соответственными ей общественными отношениями". Следовательно, и в понимании художественной жизни общества, Г.В. Плеханов четко придерживался материалистического подхода. Все это позволяет сделать не тривиальный для нашего времени вывод о том, что на основе последовательного понимания и использования ряда принципиальных постулатов марксизма, Г.В. Плеханову удалось довольно точно оценить возможности революционных преобразований в окружавшем его мире и показать те опасности, которые стояли на пути русских революционных сил в лице народников и радикального крыла социал-демократов.

В.Н. Сачков (Троицк)

Новые материалы к истории первых шагов группы «Освобождение труда»

15 (27) июля 1883 г. Л. Г. Дейч отправил из Женевы в Цюрих П. Б. Аксельроду следующее письмо: «Не писал я тебе, дорогой Павел, потому, что выжидал окончательного ответа от братьев Игнатовых насчет того, могут ли они достать сумму, необходимую для существования нашей группы в продолжение года — 1½. Из прилагаемого письма ты узнаешь ответ тебе незнакомого, младшего Игнатова, Ильи, недавно сюда приехавшего. Не получая долго от них ответа, и так как я почти не знаком с Ильей, у которого, вообще, имеются деньги (у Василия его деньги все вышли уже), между тем как Жорж был с ним 5½ лет

тому назад приятелем, — мы и решили, чтобы Жорж к нему съездил в Эгль и прямо, откровенно переговорил. Оказывается, что и ему он заявил то же самое, т. е. что «в этом году он, Илья, абсолютно ничего не может достать, а относительно будущего года не знает ничего определенного и просит считать его лишь «близким к нашей группе». <...>

Таким образом, почти потеряв, как нам казалось, довольно надежную поддержку с их стороны, мы должны теперь решить, как нам быть, что предпринять. Ввиду полной невозможности и категорического нашего решения никогда не соединяться с народовольцами (чего мы им, впрочем, не хотим еще заявлять), даже если бы они того теперь захотели, — нам нужно так или иначе начать существовать открыто. Поэтому, мы склонны уже не быть столь «основательными», как нам бы хотелось, т. е. мы готовы так или иначе приступить к печатанию, хотя бы одних брошюр под определенной фирмой, раз только получим какой-нибудь ответ из России на посланное нами через одного парня письмо. <...>

Материальные дела Жоржа несколько поправились: пока он достал 100 франков, надеется на днях еще получить 250; словом, ты не присылай, если получишь, а лучше всего сделаешь, если прямо, не откладывая, — вдруг приедешь сюда повидаться, так как «конгресса», вероятно, не скоро дождешься. А нам было бы очень приятно потолковать и обсудить, как нам держаться с внешней публикой и пр. Ну, целую вас. До скорого, быть может, свидания. Очень может быть, что из Харькова ты получишь для меня деньги»¹.

Историкам, представляющим в самых общих чертах историю создания группы «Освобождение труда», понятно, о чем здесь идет речь. Впрочем, напомним. К лету 1883 г. находившийся в Швейцарии центральный (эмигрантский) кружок «Черного передела» фактически прекратил существование. Он не распался, однако участники его почти совсем оставили прежние народнические убеждения и почти вовсе потеряли связи с прежними единомышленниками на родине. Т. е. он превратился фактически в совершенно другую организацию — с другими целями и задачами, с абсолютно иной идеологией. И сами чернопеределческие кружки в России частью прекратили существование, частью значительно сократились в численности и резко уменьшили свою активность и влияние по сравнению со временем их расцвета в 1880 г. У Г.В. Плеханова вполне сформировались марксистские взгляды.

Отсюда у членов плехановской группы появился проект вхождения в партию «Народная воля» на правах фракции. Переговоры о вступлении, продолжавшиеся с перерывами в течение нескольких месяцев, явно шли в тупик, но это не сильно огорчало обе переговаривающиеся стороны. Условиться удалось лишь об участии плехановского кружка в подготовке первого номера журнала «Вестник Народной воли». Для него было написано три материала: статья Аксельрода «Социализм и мелкая буржуазия» и две работы Плеханова — «А.П. Щапов» и «Социализм и политическая борьба». Первые две из них Л. Тихомиров, редактировавший «Вестник Народной воли», принял к публикации. Третью он категорически отказался печатать и передал П.Л. Лаврову, также состоявшему в редакции. Петр Лаврович, как известно, в целом по-своему критиковал позиции народovolьцев, их взгляды во многом не разделял, но в данном случае он согласился с Тихомирова в том, что в журнале «Социализм и политическую борьбу» не следует печатать. Свою аргументацию отказа он изложил в статье, которая была опубликована в «Вестнике Народной воли». В июне 1883 г. Плеханов уже получил рукопись статьи и с ней ознакомился. Тем самым стало

возможным считать разрыв будущих членов группы «Освобождение труда» с народничеством и с «Народной волей», в частности, фактически состоявшимся.

В этот самый момент они оказываются в исключительно неопределенном и тяжелом положении. Чтобы открывать целое новое направление в русской отечественной мысли, одних идей недостаточно. По самому минимуму требовалось напечатать «Социализм и политическую борьбу», распространить в России. На это нужны были денежные средства, а Плеханов с товарищами был тогда в самом критическом материальном положении. Приходилось нищенствовать в буквальном смысле слова. О каком печатании могла идти речь? Да и одной печатью тоже нельзя было ограничиться. В магазине русских книг в Женеве и без того сравнительно малые тиражи отдельных изданий распродавались в течение десяти лет, то есть на выручку от распространения в эмиграции серьезно рассчитывать не приходилось. А значит, без кооперации с сочувствующими на родине и мыслить о новом начинании было нельзя. Это было бы полнейшей авантюрой.

И вот в этот самый неопределеннейший и критичный момент, как *deus ex machina*, появляется из России «один парень», который буквально спасает Плеханова сотней франков, вскоре после своего отъезда присылает еще 250 и принимается отвезти письмо московским студентам. Вот как описывает этот эпизод в своих воспоминаниях Л. Г. Дейч: «Сношения с ним [Л. Яновичем. – В. С.] я завязал через студента моск. университета Светлицкого, приезжавшего в Швейцарию летом 1883 г. и причислявшего себя к народникам. Когда он в конце лета решил возвратиться, я и Плеханов, по принятому нами тогда правилу относительно лиц, возвращавшихся на родину, вручили ему большие письма «к товарищам», в которых каждый из нас, конечно, по-своему, излагал причины нашего разрыва с народолюбцами, а также наши марксистские взгляды и задачи. Сверх того я снабдил его небольшим количеством наших изданий и условился с ним о дальнейшей переписке и сношениях. Мы с Плехановым как в наших письмах к товарищам, так и устно через него и других уезжавших просили москвичей и также вообще учащуюся молодежь и других городов, если они сочувствуют нашему решению заниматься печатной и устной пропагандой марксизма, вступить с нами в тесную связь и прислать к нам кого-нибудь для переговоров»².

Приведенные мемуары Дейча довольно точны и верны, но удивительным образом до сих пор никто из историков не заинтересовался миссией и личностью Светлицкого, хотя это сыграло, может быть, ключевую роль для принятия решения создать первую марксистскую группу в России. Во всяком случае, в моральном плане мне это представляется несомненным.

Итак, что это за Светлицкий? Кем он в действительности был? С какой стати оказался в Швейцарии? Что его связывало с Яновичем? Действительно ли он связал будущих членов группы «Освобождение труда» с московскими студентами? Какие другие, важные или неважные, услуги он оказал Плеханову и его соратникам, если оказал? Как сложилась его судьба в дальнейшем?

Как выяснилось, Дейча, возможно, немного подвела память. Светлицкий учился не в Московском университете, а в Петровской академии, как и Людвик Янович (что подтверждает, с другой стороны, верность воспоминаний). В отличие от других личных дел студентов, его дело³ оказалось заметно менее полным. Отсутствовали свидетельство о рождении, полные сведения о близких родственниках, а также копия аттестата об окончании военной гимназии.

В списке студентов и вольнослушателей Петровской земледельческой академии на 1880 г. указывается: «191. Светлицкий Александр [Иванович], р. 4 авг. 1860 г., окончил 3 С.-петербургскую военную гимназию, поступил 27 сентября 1880 г., сын купца, православный, I курс, сельскохозяйственный факультет»⁴. Воспроизведу сведения о Яновиче из того же списка: «253. Янович, Людвиг, род. 24 авг. 1859 г., окончил Виленское реальное училище, поступил 27 сентября 1880 г., дворянин, римско-католического вероисповедания, I курс сельскохозяйственного факультета, [постоянное место жительства] Шавельский уезд»⁵. Прощение о поступлении в академию Светлицкий отправил в 1880 г. из Харькова, где он тогда жил по окончании военного училища с родителями⁶.

Во втором семестре 1881/1882 учебного года Светлицкий с Яновичем жили в одной коммуналке на даче Кондратьева в Выселках, близ Петровской академии вместе со студентами Копаневым, Власовым, Готовцевым, Толстиком, Эйсьмонтом, Ермолинским и Волковым. Весьма вероятно также, что ранее, в первом семестре 1880/1881 г. Светлицкий с Яновичем жили вместе на Выселках в номерах Благосклонного⁷. То, что они жили еще в одно и то же время в одной коммуналке, свидетельствует о том, что они были не просто лично знакомы, но дружили. Хотя это было, с другой стороны, еще до того, как, по имеющимся данным, Янович включился в революционное движение (с лета 1882 г.).

Одной из явных причин того, почему историки не уделяли внимания личности Светлицкого, является, по-моему, то, что жандармам он совсем никогда не попадал на заметку, всегда считался благонадежным. Благополучно закончил в 1885 г. Петровскую академию, в 1886 г. числился при Московской казенной палате, а позднее сделал успешную карьеру, дослужившись к 1917 г. до управляющего крупнейшего в Петрограде Международного коммерческого банка. Поэтому упоминать его имя в революционных мемуарах стало элитным лишь после революции, но тогда появилось вдруг еще одно мешающее обстоятельство. По свидетельству мемуариста, в ноябре 1917 г. он выступил одним из руководителей банковского саботажа⁸, что не могло не послужить серьезной причиной для забвения его давних былых революционных заслуг и вообще его имени в этом контексте.

Установлению товарищеских отношений между Яновичем и Светлицким способствовало также то, что они были одной национальности – русинами. В одних архивных документах Петровской академии (в т. ч., цитированном мною выше) Светлицкий называет себя православным, в других – католиком. Вряд ли он был вообще верующим человеком, но даже если и был, то называть себя прямо греко-католиком, во избежание совершенно ненужных проблем, уклонялся. Но указывать вероисповедание в различных документах требовалось постоянно. Отсюда эфемистические расхождения. Янович проще относился к своей религиозно-национальной самоидентификации, определяя свое вероисповедание постоянно и везде римско-католическим.

13 ноября 1884 г. А. И. Светлицкий обвенчался с Марианной Людвиговной Хмелевской⁹. Это дополнительно указывает на то, что он, как многие русины, в совершенстве владел польским языком и что многие русские принимали его, как и Яновича, за поляка, хотя таковыми они оба не являлись. Общая национальность в данном случае тоже явно способствовала сближению друзей.

Парадоксальным образом личность Светлицкого и мотивы его деятельности в 1880-е годы получаются, таким образом, тем загадочнее и необъяснимее, чем они больше становятся нам понятными, чем больше нам становится о них известно.

В самом деле, с одной стороны – абсолютно благонадежный обыватель, нигде никогда не попавший на заметку охранки, успешный финансист, если угодно, неромантический чеховский «человек в футляре». С другой, одновременно, – исполнитель достаточно исторически важной миссии, ради выполнения которой ездил из Москвы в далекую Женеvu. С третьей стороны, Дейч называет его в своих мемуарах определенно народником, а, между прочим, из продолжавших действовать в России в 1883 г. местных чернопередельческих организаций, харьковская была самой деятельной¹⁰. Т. е., живя после окончания военной гимназии в 1879-1880 гг. в Харькове, Светлицкий вполне мог хорошо сблизиться с местными народниками и приехать поступать в Петровскую академию уже убежденным чернопередельцем. И в первые годы обучения в академии он имел превосходную среду для общения с единомышленниками и своего дальнейшего развития. Однако для отправки в командировку с целью установления связей московских или харьковских чернопередельцев с эмигрантами этого не было достаточно. Для этого требовалось быть гораздо более вовлеченным в конспиративные дела, а значит, неизбежно быть замеченным охранкой. По всей видимости, Светлицкий в 1883 г. за границу ездил по личным делам. Так, в его личном студенческом деле имеется датированная 10-м ноября 1884 г. справка харьковского врача Захаржевского о том, что «его сестра Лариса Ивановна, 18 лет, психически больна и нуждается в том, чтоб брат сопровождал ее на лечение в Кизляр»¹¹. А в 1883 г. он вполне мог возить ее на лечение в Швейцарию, что для состоятельных людей того времени было естественным. Между делом выполнил важное поручение товарищей, что, собственно, не было связано с большим риском. Ведь больших полномочий, судя по мемуарам Дейча, он не имел, то есть не заключал и не мог заключать никаких соглашений, а только рассказал о деятельности московских студентов и перевез для них письма эмигрантов. Мог даже из осторожности и не перевозить. Важно было рассказать в Москве о деятельности близких по взглядам эмигрантов и сообщить их контакты. Вроде совсем немного, но в драконовских условиях того времени даже одно это было ценнейшим огромным делом. А риск был ничтожным. Даже если бы жандармы выявили факт его встречи с Дейчем, то одно это не могло послужить основанием для явных репрессий. В самом худшем случае грозил непродолжительный негласный надзор.

Из личного дела студента Светлицкого явствует, что он возвратился из заграничной поездки до 29 июля (10 августа по новому стилю) 1883 г. и в только что названный день подал заявление о восстановлении его в числе студентов. Дейч, таким образом, немного спутал дату выезда Светлицкого из Швейцарии, отнеся ее на конец лета.

С этого все и началось. Намечавшаяся встреча, о которой договаривался Дейч с Аксельродом в письме, цитированном здесь в самом начале, оказалась исторической. На ней была образована группа «Освобождение труда».

¹ Из архива П. Б. Аксельрода. Выпуск 1. 1880-1892 гг. М., 2006. С. 173, 174.

² Дейч Л.Г. Вместо библиографии // Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 356.

³ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5438.

⁴ ЦГИАМ. Ф. 131. Оп. 38. Д. 67. Л. 121.

⁵ Там же. Л. Д. 122 об.

⁶ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5406. Л. 2.

⁷ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 7101. Л. 25-25об.

⁸ Гиндин А.М. Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961.

⁹ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5438. Л. 34 об.

¹⁰ Сачков В.Н. Бунин Ю.А. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1. А–Г. М., 1989. С. 362.

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5438. Л. 61. В период с 5 ноября 1884 г. по 15 января 1885 г. Светлицкий действительно ездил с этой целью с Харьков и Кизляр. Там же. Л. 59.

О.А.Белёвский (Киев)

Всёобщее и особенное в русской революции

В отношении великой русской революции 1917-1991 гг. сегодня совершается величайшая несправедливость, которая, правда, совершается в истории всякий раз, когда революция терпит поражение: контрреволюция исполняет над трупом поверженного врага свой победный танец, навязывая обществу свою, отнюдь не беспристрастную, точку зрения. Отрицанию подвергается все – семьдесят четыре года советской эпохи буквально вычеркиваются из отечественной истории. Те, кто это делают, не задумываются над тем, что, отрицая русскую революцию и советский период отечественной истории, они одновременно унижают национальное достоинство народа, ее совершившего, ибо всякая великая революция имеет не только всеобщий – всемирно-исторический, – но и национальный характер.

Когда-то М.Горький писал, что «всегда и всюду особенно злые, бесстыдные формы принимает ложь обиженных и побежденных»¹. У русской революции, как у всякой великой революции прошлого, были свои великие сражения и великие победы, соответственно – как и у всякой революции, у нее были свои обиженные и побежденные. Еще недавно казалось, что в лучшем случае их удел – опубликованные за рубежом мемуары, в худшем – забвение, т.к. вопреки всем канонам диалектики была абсолютная уверенность в том, что в отличие от великих революций прошлого наша революция победила окончательно и бесповоротно.

Но в последнем десятилетии XX века история сделала неожиданный поворот, как будто специально для того, чтобы доказать мысль Н.А.Бердяева о том, что «всякая революция бывает неудачной»². Великая русская революция перестала быть историей и потерпела вполне реальное политическое поражение. В этом поражении уже не было ничего величественного и героического. Осажденная крепость, которая, демонстрируя миру чудеса мужества и героизма, выдерживала тяжелейшие удары истории, спасая мир от фашизма, была разрушена предательством, превратившимся из моральной категории в категорию историческую. Советскому социализму, как и древнему Вавилону, не помогли высокие и крепкие стены; ворота врагу были открыты изнутри – своими собственными гражданами, утратившими в силу объективных и субъективных причин коммунистическое самосознание. (Объективно-научное познание оснований и логики этой утраты является одной из важнейших задач, стоящих перед современной марксистской мыслью).

С исторической точки зрения поражение русской революции и созданного ею советского социализма есть великое историческое несчастье: к началу XXI века человечество оказалось без надежных средств самозащиты, один на один с сильным и ловким хищником – глобальным корпоративным капитализмом. Трагизм положения усугубляет специфическая форма поражения: потеряв свой социалистический характер и капитулировав добровольно, русская революция сильно разочаровала тех, к кому она обращалась все это время – трудящиеся